

Ростовская ЕТАРИНА

Выпуск музея-заповедника «Ростовский кремль», № 164

Выпуск подготовила Л.Ю. Мельник

Ивановы в Ростове

• Елена Крестьянинова

Известно, что у крупного деятеля Ростовского музея Дмитрия Андреевича Иванова в браке с Марией Александровной (урожд. Коперина) родилось четверо детей. Это Мария (1895 – 1897), Дмитрий (1896–1980), Андрей (1898–?) и Екатерина (1900–1938).

Д.Д. Иванов окончил Ростовскую имени А.Л. Кекина гимназию (1914 г.) и историко-филологический факультет Московского университета (1918). Одно время работал заведующим Ростовской районной библиотекой и инспектором библиотечного дела, проректором Ростовского отделения Московского археологического института (1922 г.). Затем, 1922–1976 гг. – в Фундаментальной библиотеке общественных наук СССР, сначала как секретарь, потом заместитель директора, и в 1940–1949 гг. – директор и в последние годы – старший научный сотрудник. Дмитрий Дмитриевич – составитель и редактор ряда библиографических указателей, в том числе многоотомной «Истории естествознания. 1917–1970 гг.». К сожалению, его монография «Наука-книга-библиотека (1974) осталась в рукописи. Посмертно опубликован сборник научных работ «Избранное» (М., 1986).

Д.Д. Иванов был награжден орденом Ленина, двумя орденами Трудового Красного знамени, орденом Дружбы народов. Его сын

Д.Д. Иванов-второй (1925 – 1990) – доктор медицинских наук, профессор, специализировавшийся по психофармакологии.

Эти сведения сообщил нам его сын – Дмитрий Дмитриевич Иванов-третий, тройной тезка своих отца и деда.

Сестра Д.Д. Иванова-первого Екатерина Дмитриевна была замужем за преподавателем ростовского сельскохозяйственного техникума, по рождению – дворянином Блинновым Георгием Петровичем, отец которого имел чин подполковника царской армии, а мать происходила из купцов Реутовых.

Е.Д. Блинова умерла совсем молодой, а ее единственная дочь Татьяна Георгиевна (1927–2007), в замужестве Кулакова, жила в Ярославле.

31 августа Ростов посетил ее сын Николай Константинович Кулаков (1950), который не видел города 55 лет. В его семье сохраняется память о далеких предках и фамильные реликвии, среди которых – портрет Екатерины Дмитриевны, в девичестве Ивановой. Она – красавица.

Н.К. Кулаков был не единственным представителем рода купцов Ивановых, посетивших свою историческую родину в юбилейные дни. Здесь побывали их родственники Владимир Владимирович и Николай Львович Ивановы с супругами (Москва).

И все встретились в музее Ростовского купечества.

На фото: Екатерина Дмитриевна Иванова, 1920-е гг.

Ростовские контракты 19 века

• Елена Крестьянинова

Повседневная действительность ростовцев в 19 веке предусматривала обязательное заключение контрактов – на все случаи жизни. И если купеческой жене С.А. Пичугиной была нужна служанка, то она такую нашла у помещицы Е.Ф. Ошаниной, предварительно подписав следующий контракт:

«1822 года мая 15 дня вдовствующая прапорщица Екатерина Федорова дочь, жена Ошанина дала сие условия ростовской купеческой жене Санфире Александровне Пичугиной в том, что отдала ей, Пичугиной, во услужение крепостную свою девушку Федосью Лукьянову на 5 лет с тем, чтобы она девка Лукьянова в течение оных пяти лет во время служения у нее Пичугиной была обучена и всему купеческому обиходу на всем ее Пичугиной провианте, одежде и обуви, за что самое и получила я от нее Пичугиной вперед деньги за каждый год по 30 рублей, всего 150 рублей. И во время проживания оной девке Лукьяновой вести себя добропорядочно и трезво и быть в полном и непосредственном ее Пичугиной послушании и подчинении, а в противном случае вольна она Пичугина ее Лукьянову через средство начальства по мере вины ее наказывать.

По окончании времени обязана она Пичугина оную девушку мне возвратить. Которая Лукьянова примерно роста двух аршин трех вершков, волосы бело-русые, глаза серые, остроноса, на подбородке бородавка, от роду 33 года.

В чем существо сего условия и содержать мне Ошаниной свято и

нерушимо». Подпись.

Выходит, что г-жа Ошанина посредством этого контракта получила двойную выгоду: избавилась от лишнего рта и заработала полтора рубля. И что интересно, сама Пичугина служанку наказывать не имела права – этот пункт оговаривался отдельно (!).

Это не единственный контракт подобного рода. Вдова поручика, Хюния Ильина Шатилова, также за 150 р. и на 5 лет отдала помещице С.М. Орлову «для обучения домашнему купеческому рукоделию и во услужение» свою крепостную дворовую девушку Устинью Семенову.

Поступая на работу, мы – правда, с недавнего времени – подписываем договор, по сути, тот же контракт. А в 19 в. и приказчик, и продавец, и садовник знали, что без этого документа могут возникнуть недоразумения.

«Ростов 1832 г. 19 июля.

Я нижеподписавшийся ростовский помещик Иван Петров Романов дал сей договор ростовскому купцу Ивану Андреевичу Титову в том, что: 1 – нанялся я Романов у него Титова в лавочные сидельцы впредь на два года, за каждый год по восьмисот тридцать три рубли заслуживши. 2 – должен я Романов все возложенные на меня по заключаемой мной должности, приказы и поручения выполнять без всяких отговорок, вести себя перед хозяином вежливым образом и не доводить ни до каких неприятностей грубым обращением или непослушанием. 3 – не так как, пока находится буду в лавке при хозяине и приход товаров,

денежных сумм, так и расходов оных зависеть будет от двух лиц, от хозяина и от меня, Романова, так и при отлучке хозяина из лавки и из города, я быть должен полным управляющим его дел коммерческих по лавке, от которой и ключи по мере надобности я должен иметь у себя, то для обеспечения хозяина и для аккуратного учета заведена книга приходная и расходная, где приход должен делать я Романов своей рукой. За верностью оного я Романов должен смотреть, наблюдать и поверять с большим вниманием и какие служебные могут недостатки в продолжении службы при поверке или при годовом счете, и если хозяину не угодно будет их уважить, то за все оное я должен Романов отвечать своею личностью. По сему договору служить и ответствовать обязуюсь». Подпись.

По контракту, подписанному спустя 10 лет – в 1832 г., помещица вдова подполковника Екатерина Васильевна Арепьева, отдала в «научение живописи по финифти» своего дворового мальчика Петра Иванова ростовскому помещанину Василию Гавриловичу Гвоздареву на 9 лет, при этом мальчик, при обучении и услужении, должен был содержаться на харчах хозяйских, им же одеваться-обуваться.

А сын помещицы М.А. Кокоркин по контракту нанялся к купцу Якову Ивановичу Шапошникову «работать в доме Шапошникова финифтяные образы из его Шапошникова материалов и на собственном его Шапошникова

содержании на 2 года за 360 р.». При этом 200 р. Кокоркину выдали вперед, а остальное он должен был получить в конце работы. Если бы он умер до истечения срока, его семья обязана была вернуть деньги, а в случае болезни пропущенные дни «зажить», т.е. отработать после окончания срока.

Брат Михаила Андреевича – Василий Андреевич Кокоркин в том же 1832 г. строил «сквозную мостовую дорогу через архиерейский дом» – 240 кв. сажен. В свете последних событий по строительству наших улиц этот контракт выглядит особенно актуально. В 19 в. это стоило 1790 р., при том подрядчик должен был «камень употреблять крупной, ставить его на ребро, а перед этим сделать гать из фашичника, с навесою на нее земли. Вверху же всю мостовую расщепить красным щебнем, чтобы между камнями не было никаких промежутков». Мостовую, кроме того, надо было закрепить по краям бревнами, а бревна пришить специальными шпильками. Эта мостовая продержалась, по крайней мере, 100 лет. А наши дороги и плиточные тротуары?

Самое большое количество контрактов заключалось во время ярмарки – на аренду домов. В 1831 г. из общего их количества (221 к-т) домов сдавалось 88. При этом процветала «субаренда», когда хозяин сдавал свой дом посреднику, который платил за «впускание постояльцев» оговоренную сумму и отвечал за сохранность дома. А сколько он сам зарабатывал на жильцах, оставалось

Об одежде воинов Ярославского ополчения. 1812

• Константин Степанов

При работе с документами фонда № 6 «Ростовский уездный предводитель дворянства» за 1812 г. удалось обнаружить интересный документ – указание ярославского гражданского губернатора уездному судье И.Н. Горяинову о получении подписок с помещиков на поставку хорошей одежды на выставляемых ими воинов в Ярославское ополчение. Данный источник представляет самостоятельный интерес, и поэтому ниже публикуется полностью.

В письме М.Н. Голицына указывается, в какую одежду крестьяне-ополченцы Ярославской военной силы должны быть одеты помещиками, а также вооружены топорами. Называется стоимость вещей для обмундирования воинов по единому образцу при необходимости покупки.

1812 г., августа 14. – Указание гражданского губернатора М.Н. Голицына исполняющему обязанности ростовского предводителя дворянства, уездному судье И.Н. Горяинову о получении подписок с помещиков на обеспечение выставляемых ими крестьян хорошей одеждой или деньгами

№. Получено 15 августа 1812 года. Господину правящему должность ростовского предводителя, уездному судье Илье Никитину Горяинову.

Вам известны положения комитета Ярославской военной силы об одежде, с которою должны представляться воины, но не исполняются видно они, как замечаю я, по одеянию приведенных сюда людей. Итак считаю долгом, в числе прочих г[оспод] предводителей, изъяснить Вам, что настоящая крестьянская одежда не может оставаться без переправки, г[осподам] дворянам предоставлено право отдавать людей в тех кафтанах какие есть, в том предположении, что будут они твердые, а не худые, и что должны они переправить их здесь в Ярославле, по образцу г[осподина] командующего военною силою хранящемуся. На сих основаниях прошу Вас обязать подписками тех г[оспод] дворян, которые поставили уже воинов, дабы получение сего как можно скорее доставили в Ярославль на каждого по одному топору и прислали, кого рассудят, для переправки кафтанов, с сукном на шаровары и фуражки,

равно с деньгами на шитье их и на заготовление ранцев и медных изображений. За исполнением сей обязанности вы не оставите надобности через земскую полицию; а между тем не упускайте из строгого внимания, чтоб представляющие людей не в определенном таким образом одеянии – обязывались подбившие подписками, и тот час принимали меры к равномерному обмундированию. Само собою, разумеется, что топоры должны приниматься с самым приемом воинов.

Если бы кто из господ дворян в совершенной был в невозможности одеть своих воинов, Вы можете принимать от них деньгами. За каждые шаровары и фуражку по 30 рублей, за ранец по 5 рублей, за медное изображение по 50 коп., но в таком случае должны уж Вы поставить доставление им их денег для употребления командующему при именных регистрах на кого они приняты. Деньги принимаются и на одежду, на ранцы или изображение. Впрочем, я уверен, что при общей деятельности Вы постараетесь так, чтобы часть одеяния толико нужная в составе военной силы не была оставлена ни под каким видом противным сему распоряжению.

Гражданский губернатор кн[язь] Михаил Голицын.
Об одежде для воинов. 14 августа 1812. № 4839.

коммерческой тайной.

Во время ярмарки можно было снять и комнату, и квартиру. В 1831 г. титулярный советник Николай Иванович Шемьякин нанимал квартиру у купчихи Елены Афанасьевны Кайдаловой – в двухэтажном доме второй этаж из 7 комнат вместе с мебелью. Это были «диван под красным деревом, 3 стола под красным деревом, 1 стол простой, 12 подержанных стульев, обитых полинялым зеленым сафьяном, 4 кресла, обитых голубой бомбой, 3 стола простых деревянных, 6 зеркал большой меры под красным деревом, 4 кота под красным деревом с иконами – 8 образов с серебряными ризами 2 серебряных лампы. 2 больших кровати под красным деревом» – за 400 р. в год.

Старшее поколение ростовцев еще помнит проруби на озере, огороженные сплетенными из тресты (камыш) стенами. В прошлом веке озеро принадлежало крестьянам с. Угодичи, поэтому ростовский помещик Иван Иванович Баганин заключил контракт на устройство «пролубей» с бурмистром Угодичей Молодяшиным: «делать на льду пролуби для водопоя во всем пространстве против города Ростова» на следующих условиях.

1. Устроить у пролуби колоды и брать с посторонних по 1 копейке с лошади, жителям Ростова предоставлять право иметь свои пролуби против своих домов, но колоды. Кроме меня баганина позволяемо ставить никому, равно и плотомойных пролубей и для предосторожности огораживать их и

обвести ельником, а во время ярмарки брать воду без притеснения, а во время лета позволить мне Баганину лучевую рыбную ловлю безденежно».

Надо ли было в 1831 г. золотить иконостас в Покровской церкви в 1831 г., писать для него иконы – Андрей Абрамович Титов заключил контракты с Антоном Ивановичем Ивановым (г. Александров) на сумму 8800 р. и иконных дел мастером Василием Алексеевичем Медведевым (Владимирская губерния, Шуйский уезд, с. Тейково) на 1500 р.; «обшить внутренность кареты сукном генералу Шеншину» – крестьянин Павел Борисов заключил контракт (на сумму 530 р.); устроить сплошную площадь от Мытного двора до озера – крестьянин Вологодской губернии деревни Шардино помещик Наумович Григорий Старков заключил контракт – причем, напрямую с губернатором А.М. Безобразовым и ростовским полицмейстером Симановским...

Судя по документам, в 1831 г. можно было по контракту вместо себя поставить в рекруты другого человека. Так, крестьянин Мельников Василий Григорьев поступил в 95-й рекрутский набор вместо крестьянина Большакова Ивана Матвеевича (за 1400 р.), ростовский помещик Микулин Василий Григорьевич – вместо помещицы Мишковской Михаила Гавриловича (за 1800 р.), помещик Кароницкий Василий Дмитриевич – вместо помещицы Ивана Ивановича Шапошникова (за 1900 р.)...

Все имело свою определенную цену и разрешалось государством.

Как ростовские дворяне

Искали честного крестьянина

• Зинаида Краузе

Среди немногих документов, касающихся дворян Ростовского уезда, мне попала папка, название которой, с точки зрения сегодняшнего дня, ну прямо

веселое: «Дело о вручении премии завещанной князем В.П. Кочубеем одному из честных и справедливых помещичьих крестьян губернии».

Датируется дело 1843-1853 гг.

Я-то была уверена, что слово «премия» родилось не так уж давно, а, оказывается, еще в начале девятнадцатого века помещичьим крестьянам оно ласкало слух... Но, как потом выяснилось, такой заголовок Делу дали работники архива, так как больше ни в каком документе оно не встречается.

А «Дело» это было вот в чем.

Князь Виктор Павлович Кочубей (1768-1834 гг.), русский дипломат и государственный деятель, друг императора Александра I, видимо, имея на то причину (увы! В документах она не называется) внес в Ярославский Приказ Общественного Призрения в 1805 году в пользу крестьянина Мологицкого уезда вотчины господина Мицкая, Ивана Андрианова капитал в сумме 347 рублей 16 1/4 коп. серебром. Но этот крестьянин Андрианов умер, не успев воспользоваться щедростью высокого чиновника, и Министр Внутренних Дел предписал: «...выдавать ежегодно в день Ангела Виктора Павловича Кочубея 11 ноября одному из бедных помещичьих крестьян губернии, отличающемуся справедливостью и честностью, а также примерною попечительностью о родителях или семействе и точным исполнением христианских обязанностей, предоставляя выбор таковых достойных крестьян с переменами оных каждый год по усмотрению начальника губернии».

Несколько слов о тогдашнем государственном учреждении «Приказ Общественного Призрения».

Это губернское учреждение, образованное в России Екатериной в 1775 году, в ведении которого находилось управление народными школами, госпиталями, приютами для больных, больницами, богадельнями и тюрьмами. Собирался он из выборных заседателей под председательством государственного чиновника.

При финансовом обеспечении деятельности Приказа была велика роль меценатства и благотворительности.

Проценты от внесенного князем Кочубеем капитала на 1844 год составляли 13 рублей 88 копеек серебром (по некоторым данным на десять рублей тогда можно было купить три коровы).

Эти деньги и надо было вручать каждый год самому достойному крестьянину. А заниматься поисками таковых предписывалось уездным губернским предводителем.

Вот и пошла писать контора. Министр Внутренних Дел – Господину Губернатору, Господин Губернатор – Ростовскому Уездному Предводителю. Ну, а тот – соответственно Уездному исправнику

Надо отметить, что исправник очень быстро нашел кандидатуру.

Продолжение следует.
Жерар Франсуа. Портрет В.П. Кочубея.

О поставке ростовскими огородниками в Петербург соленых огурцов в 1815 г.

• Александр Морозов

29 апреля 1819 г. в Московскую домовую контору князя С.М. Голицына, помещика с. Сулость с деревнями, поступило прошение от вольного хлебопашца с. Угодичи, крестьянина Андрея Леонтьева Мягкова.

Из прошения следует, что в 1815 г. «по неурожаю огурцов в Питере...» крестьянин с. Сулости д. Петрушина Иван Егоров Семов «рассудил» послать «из Питера» в Ростов своего поверенного для покупки и соления огурцов. Таким поверенным стал его зять – крестьянин с. Сулости Александр Васильев Голицын. По приезде в Ростов Голицын пришел к Мягкову, где стороны заключили договор – «условие» о покупке и солении огурцов. Причем Мягкову предстояло «быть участником в 4-й части», то есть его затраты и ожидавшаяся прибыль должны были составлять 25%.

В целом огурцов упомянутыми компаньонами было закуплено и послано 255600 штук. По окончании засолки огурцы были отправлены в Петербург через Ярославль водою – Мариинской системой, соединяющей реки Волгу и Неву. Вместе с товаром ехали и сами крестьяне.

Однако на пристани Мариинского канала в д. Сомы Устюженского уезда [тогда Новгородская губ., сейчас Вологодская обл. – А.М.], компаньоны рассудили, что Мягков получит от Голицына барыш 80 руб. и поедет обратно домой в Ростов. Тут же был учинен расчет. Мягкову причиталось получить от Голицына своих

собственных, употребленных на покупку огурцов денег 363 руб. 30 коп., а также «барышу» – прибыли, составлявшей 80 руб. Всего 443 руб. 30 коп. Но у Голицына не было с собой наличных денег, и он дал Мягкову расписку. Неблагоприятным, как увидим ниже, фактом для Мягкова стало отсутствие в упомянутой деревне гербовой бумаги. Поэтому расписку написали на бумаге простой. Голицын обязался после доставки товара в Петербург выслать Мягкову в Ростов «сполна все деньги», не позже 1 ноября 1815 г. «Но и по сей день», – жаловался князю Васильев Голицын, – «денег нет».

Далее Мягков пишет, что его компаньон Голицын, как оказалось «по слухам», немалое количество огурцов «по слабости своей и распутности» в дороге утратил. Доверитель Голицына – Семов, приехав в 1816 г. в Ростов, заявил Мягкову, что полного количества товара от Голицына он не получил и в дурном поступке Голицына он не виноват. Таким образом, доверитель отказался нести ответственность за своего поверенного, а затем сам уехал в Москву. После такого поворота дела Мягков обратился с прошением в Сулостское вотчинное правление. Но здесь он поддержки не нашел: бурмистр с. Сулости Илья Парамонов был крестьянину Ивану Семову «ближняя родня». Не решив свой вопрос в вотчинном правлении крестьян с. Сулость, Мягков отправился к их помещику – князю С.М. Голицыну в Москву. Однако управляющий домовыми делами г. Каменский до

князя его не допустил и отправил назад в Ростов.

Ростовский уездный земский суд расписку Мягкова отклонил, поскольку она была написана на простой бумаге. Все бумаги Мягкова из суда были отправлены в Сулость. Таким образом, разбирательство пошло по второму кругу. Отчаявшись, Мягков написал рассматриваемое прошение князю С.М. Голицыну. На прошении рукою князя начертано: «по просьбе крестьянина Мягкова учинить разбирательство».

К прошению прилагалась «Копия счета огурешникова от А.Л. Мягкова И.Е. Семову от 1815 г.: Куплено всех огурцов 255600 шт. по 3 руб. 30 коп. денег 843 руб. 30 коп.

Куплено бочек 41 шт., по 6 руб., отдано денег 246 руб.

За провоз оных по 4 коп. с бочки – 16 руб. 40 коп.

Соли куплено 35 пуд. 35 фунтов по 2 руб. отдано денег 71 руб. 75 коп.

На харчи употреблено 49 руб. За гретье воды отдано за котел 4 руб.

За дрова отдано 3 руб.

За промен медных денег отдано 4 руб.

За провоз до Ярославля отдано по 8 руб. 50 коп. с бочки – 338 руб. 25 коп.

За провоз самих до Ярославля 46 руб.

На харчи употреблено 8 руб. 60 коп.

Лодочнику отдано 1000 руб. Работникам отдано 30 руб.

За ще... [неразборчиво] отдано 24 руб.

На дорогу взято 194 руб. За укроп, смородиновый лист отдано 10 руб.

Итого: 2888 руб. 30 коп.»

Ниже Мягков пояснял, что по данному счету было использовано денег И.Е. Семова 2500 руб.; за промен ассигнаций 7 руб. 50 коп. Также следовало отдать извозчику 17 руб. 50 коп. От самого же А.Л. Мягкова, как было сказано выше, «в дело» поступило денег 363 руб. 30 коп. Его «барышние» – 80 руб. Итого: 443 руб. 30 коп.

Мы не знаем, чем закончилось для угодичского крестьянина А.Л. Мягкова данное разбирательство. В документации домового конторы С.М. Голицына до конца текущего 1819 г. сообщений о его тяжбе с крестьянами с. Сулости по поставке огурцов в Петербург не имеется.

Данный эпизод характеризует отдельных ростовских крестьян-огородников как опытных и предприимчивых оптовых торговцев – скупщиков сельхозпродукции, предвидевших «по неурожаю» большой спрос в столице на соленые огурцы, организовавших их закупку, соление и доставку из Ростовского уезда – колыбели русского огородничества.

Предъявленный Мягковым счет дает определенное представление о затратах предпринятой торговой операции.

Здесь раскрываются и некоторые особенности защиты торговых интересов вольного хлебопашца при нарушении соглашения – «условия» его компаньоном из помещичьих крестьян.

Водружальный крест из церкви Спаса на сених Ростовского кремля

• Александр Мельник

В XVII – XIX веках существовала обычай устанавливать в день освящения церкви в ее алтаре деревянный крест, называвшийся водружальным. На нем красками писали текст, включавший в себя информацию о том, когда и в какой церкви он был водружен, при каком царе и при каком архиерее. Иногда данная надпись содержала и другие сведения.

По всей видимости, водружальные кресты никак не использовались в церковной богослужебной практике. Очевидно, они имели лишь памятный характер и не обладали материальной ценностью. Недаром в большинстве доступных описей церквей Ростова XVII – начала XX в. такие кресты не фигурируют, притом, что в некоторых из этих храмов на момент составления их описей они точно существовали. Поэтому, вероятно, водружальные кресты специально не хранили, что и обусловило бесследное исчезновение их большей части.

Подобные кресты являются важными историческими источниками. Тексты крестов надежно свидетельствуют о времени освящения соответствующих храмов. А это позволяет установить примерную датировку последних. В частности, именно благодаря надписи на публикуемом кресте исследователями определена датировка церкви Спаса на сених Ростовского кремля – 1675 год.

Публикуемый крест хранится в музее «Ростовский кремль». Общие размеры произведения: 25,5 x 18,8 x 1,7 см.

Данный восьмиконечный деревянный крест утверджен на белокаменном блоке. Планки креста скреплены железными гвоздями. Лицевая сторона креста окрашена светло-зеленой краской, обратная и боковые стороны – красной. Надписи

белого цвета. Первая прописная буква красная. В средокрестии красной краской изображен голгофский крест. «Голгофа», над которой возвышается крест, – килевидной формы. Она окрашена красной и светло-коричневой красками с желтыми разводами. Череп и буквы на голгофе белые. Белокаменный блок сохранил следы первоначальной светло-розовой окраски. Очевидно, примерно так же были первоначально окрашены стены зданий Ростовского кремля. Следы известкового раствора на нижней части блока свидетельствуют, что он был вмурован примерно на глубину 8,5 – 9 см в некое основание.

Надпись на кресте гласит: «Ос(вя)т(и)ся олтарь и водружен бысть кр(е)ст сий в ц(е)ркви Г(оспод)а Б(о)га и Сп(а)са н(а)шего Ии(су)са Х(рист)а лета 7183 августа в 17 д(е)нь, при державе великаго г(осу)д(а)ря ц(а)ря [ве]лика[го] кн(я)зя Алексея Михайловича, в[сеа] Великия и Малыя и Белья России самодержца, и при великом г(осу)д(а)ре св(я)тейшем Иоакиме, патриархе Московском и всеа России, и при митропол[ите] Ионе Ростов[ском] и Ярославском, а св[я]т[ил]я сам преосвяще[н]ый Иона митрополи[т] со всем освященным собором».

Как видим, приведенная надпись свидетельствует, что крест был установлен 17 августа 1675 года в упомянутой церкви Спаса создателем ансамбля Ростовского кремля митрополитом Ионой (1652 – 1690 гг.). Надо полагать, рассматриваемый крест изготовлен незадолго перед тем, то есть около 17 августа 1675 г. по заказу того же архиерея.

Именно эта связь с митрополитом Ионой публикуемого креста делает его необыкновенно важным памятником по истории Ростова XVII века.

